

УДК 002.2:316.77(092)

<https://doi.org/10.20913/1815-3186-2021-4-3-13>

Теория медиа¹ М. Маклюэна и современный книговедческий дискурс: точки пересечения

В. А. Мутьев, Д. А. Эльяшевич

**Мутьев
Виктор Алексеевич,**

Санкт-Петербургский
государственный
институт культуры,
Дворцовая наб., 2,
Санкт-Петербург,

191186, Россия,
кандидат педагогических наук, доцент
кафедры медиалогии и литературы,
начальник отдела научных
и творческих программ

ORCID: [0000-0001-5072-4515](https://orcid.org/0000-0001-5072-4515)

e-mail: victor.mutyev@gmail.com

**Эльяшевич
Дмитрий Аркадьевич,**

Санкт-Петербургский
государственный
институт культуры,
Дворцовая наб., 2,
Санкт-Петербург,

191186, Россия,
доктор исторических наук, профессор,
заведующий кафедрой медиалогии
и литературы

ORCID: [0000-0003-0197-6278](https://orcid.org/0000-0003-0197-6278)

e-mail: dmitry@elyashevich.ru

Аннотация. Интенсивные трансформации, происходящие в системе книжных коммуникаций, требуют актуализации научных подходов и методологического инструментария науки о книге. При этом отечественная книговедческая школа сталкивается с рядом трудностей, среди которых первостепенное место занимает подчеркнутая географическая и дисциплинарная обособленность исследовательских практик, ограничивающая возможности целостного социогуманитарного анализа явлений действительности. Необходимость включения в современный книговедческий дискурс концептуальных медиалогических работ и их реинтерпретации обуславливают актуальность настоящего исследования. Цель статьи – продемонстрировать имманентно присущие исследованиям книги и чтения кросс-дисциплинарность и сопряженность с коммуникативистикой как метатеорией, объясняющей историко-культурное развитие обществ. Предметом проведенного анализа стали работы канадского ученого Герберта Маршалла Маклюэна. Исследованием установлены сущностные изменения, характерные для переходных периодов в истории доминирующих средств коммуникации: переформатирование восприятия членов социума и разделяемых ими значений, частичная деинституционализация и корректировка функций, целей, задач ранее существовавших структур управления и контроля, интеграция и кумуляция культурологического и ресурсного потенциала коммуникационных технологий. Наряду с этим доказаны ошибочность сугубо медиадетерминистского понимания концепции М. Маклюэна и невозможность иерархической классификации современных медиа теорий. Практическое значение исследования состоит в формировании педагогической книговедческой стратегии, ориентированной на изучение «предустановленных» моделей чтения в различных каналах коммуникации с учетом различной степени воздействия факторов микро- и макросреды, определяющих полифонию современных медиапрактик, структуру образовательных траекторий, а также их эффективность.

Ключевые слова: медиалогия, социология медиа, книговедение, теория и методология книговедения, междисциплинарный подход, М. Маклюэн, «Галактика Гутенберга»

Для цитирования: Мутьев В. А., Эльяшевич Д. А. Теория медиа М. Маклюэна и современный книговедческий дискурс: точки пересечения // *Библиосфера*. 2021. № 4. С. 3–13. <https://doi.org/10.20913/1815-3186-2021-4-3-13>.

Статья поступила в редакцию 11.10.2021

Получена после доработки 16.11.2021

Принята для публикации 19.11.2021

© В. А. Мутьев, Д. А. Эльяшевич, 2021

¹ Медиа – понятие, включающее в себя средства и способы коммуникации (материализации текстов), используемые для производства, фиксации и распространения символических форм во времени и пространстве (прим. авт.).

M. McLuhan's Media Theory and Contemporary Book Science Discourse: Points of Confluence

Victor A. Mutyev, Dmitry A. Elyashevich

Mutyev Victor Alekseevich,
Saint-Petersburg State Institute
of Culture,
Dvortsovaja naberezhnaja, 2,
Saint-Petersburg, 191186, Russia,
Candidate of Pedagogic Sciences,
Associate Professor of the Medialogy
and Literature Department,
Head of the Scientific and Creative
Programs Department
ORCID: 0000-0001-5072-4515
e-mail: victor.mutyev@gmail.com

Elyashevich Dmitry Arkadievich,
Saint-Petersburg State Institute
of Culture,
Dvortsovaja naberezhnaja, 2,
Saint-Petersburg, 191186, Russia,
Doctor of Historical Sciences, Head
of the Medialogy and Literature
Department
ORCID: 0000-0003-0197-6278
e-mail: dmitry@elyashevich.ru

Received 11.10.2021

Revised 16.11.2021

Accepted 19.11.2021

Abstract. Intensive transformations taking place in the system of book communications require the updating of scientific approaches and methodological tools used by book researchers. At the same time, the Russian school of book studies faces a number of difficulties. Geographical and disciplinary isolation of research practices that narrows the possibilities of a comprehensive socio-humanitarian analysis of the social phenomena takes the primary place and can be emphasized among them. The need to include and to interpret conceptual medialogical works in the modern book science discourse determines the relevance of this study. The purpose of this article is to articulate the inherent cross-disciplinary nature of book and reading research and its connection with communication science as a metatheory that explains the historical and cultural development of societies. The subject of the analysis is the work of the Canadian scientist H. M. McLuhan.

The research has established the essential characteristics of transitional periods in the history of the dominant means of communication: reformation of society members' perception and the values shared by them, partial deinstitutionalization and adjustment of functions, goals, tasks of previously existing structures of management and control, integration and cumulation of the cultural and resource potential of communication technologies. Concurrently, the inaccuracies of a purely media-deterministic understanding of the M. McLuhan conception and the impossibility of hierarchical classification of modern media theories have been proved. The practical significance of the research lies in the formation of a pedagogical book science strategy focused on the study of «pre-established» reading models in various communication channels, taking into account the varying degree of influence of micro- and macro-environment factors that determine the polyphony of modern media practices, the structure of educational trajectories, as well as their effectiveness.

Keywords: medialogy, sociology of media, book science, theory and methodology of book science, interdisciplinary approach, M. McLuhan, Gutenberg Galaxy

Citation: Mutyev V. A., Elyashevich D. A. M. McLuhan's Media Theory and Contemporary Book Science Discourse: Points of Confluence. *Bibliosphere*. 2021. № 4. P. 3–13. <https://doi.org/10.20913/1815-3186-2021-4-3-13>.

Введение

На протяжении двух последних лет авторы статьи работают над теоретико-методологическим и историографическим циклом публикаций по книговедению в рамках медиалогического подхода (Эльясевич, Мутьев, 2019, 2020а, б, в, 2021). Научная и неразрывно с ней связанная педагогическая деятельность авторов сталкивается с рядом трудностей: начиная от профессионального неприятия чуждой постсоветскому уху и глазу медиалогии и заканчивая ограниченным количеством переведенных на русский язык источников², что входит в явное противоречие с многообразием концепций и публикаций в зарубежной теории медиа. Следствие такой ситуации – сужение

перечня рекомендуемых студентам книг и статей и увеличение лекционно-разъяснительной нагрузки отечественных преподавателей. Как и в любой другой области научного знания, в медиалогии существуют канонические труды или, в терминах теории документального потока, золотое ядро публикаций, которые не только не устаревают, но, напротив, формируют питательную почву для различных реинтерпретаций. К ним, в первую очередь, относятся монографии представителей Торонтской школы коммуникации (Toronto school of communication theory), к которым традиционно причисляют Г. Инниса (H. Innis), Э. А. Хэвлока (E. A. Havelock), Г. М. Маклюэна (H. M. McLuhan), Э. С. Карпентера (E. S. Carpenter), Д. де Керкове (D. de Kerckhove), Б. Веллмена (B. Wellman).

Предметом анализа нашей статьи стали работы «пророка из Торонто» – Герберта Маршалла Маклюэна, доступные современному

² Отметим, что, по данным БД Scopus, с 1970 по 2021 г. насчитывается более 14 тыс. пристатейных ссылок на работы М. Маклюэна на английском языке.

российскому читателю в более или менее качественных переводах (Маклюэн, 2005, 2007; Маклюэн, Фиоре, 2012). Актуальность такого анализа обусловлена тем, что тексты, резонансом своего концептуального эха породившие целую плеяду ученых-коммуникативистов во всем мире, фактически, за исключением спорадических упоминаний (Леонов, 2007; Маркова, 2019), исключены из русскоязычной литературы по книговедению, социологии читателя и чтения, информационной аналитики, информационного менеджмента и других родственных научных направлений. Работы Маклюэна активно упоминаются лишь в трудах библиокологов в связи с изменением коммуникационной среды (Беляева, 2012; Лаврик, 2003; Редькина, 2014 и др.).

Подстрочный комментарий, или Зарождение галактики Маклюэна

Одной из первых работ М. Маклюэна, получивших широкую международную известность, стала монография «Галактика Гутенберга: становление человека печатающего» (1962). В ней исследуется эволюция общества XV–XX вв., сознание и мировосприятие членов которого неразрывно связаны с распространением печатной культуры. По скромному замечанию самого автора, данная монография является «своеобразным подстрочным комментарием» к одному из высказываний Г. Инниса: «Последствия появления и развития технологии книгопечатания со всей наглядностью и очевидностью проявляются в жесточайших религиозных войнах XVI–XVII вв. Применение мощной силы в области коммуникаций и средств связи ускорило процесс консолидации национальных языков, вызвало рост национализма, коренную ломку устоев, революции и новые проявления варварства, имевшие место в двадцатом столетии» (Innis, 1951, p. 29). Эта дань уважения Гарольду Иннису наглядно демонстрирует, насколько продуктивным может быть один-единственный научный тезис: монография М. Маклюэна вышла далеко за рамки «подстрочного комментария», равно как и за ту предметную область, которая, казалось бы, с совершенной определенностью обозначена в ее заглавии. Отталкиваясь от тезиса Г. Инниса, М. Маклюэн создает свою собственную галактику, в которой уже невозможен внеисторический анализ явлений действительности. Поэтому в программу исследования наряду с книгопечатной (письменно-печатной) включаются дописьменная (pre-literacy) и постписьменная (post-literacy) технологии.

Однако говорить о наличии «жесткой», методологически и композиционно выверенной исследовательской программы в «Галактике Гутенберга...» затруднительно. Стил и манера

письма канадского ученого представляют собой отражение нетривиального и изрядно еще с момента публикации монографии критикуемого чересполосного подхода к истории коммуникаций. М. Маклюэн в своем исследовании демонстрирует практическое воплощение принципа нелинейности, что, на первый взгляд, вызывает вопросы относительно стройности изложения материала, логической взаимосвязанности отдельных сюжетов, используемых приемов аргументации, многие из которых сводятся к стохастическому цитированию и построчному комментированию произведений классиков художественной литературы, в первую очередь – У. Шекспира, Д. Джойса, Т. Элиота. Исследователи творчества М. Маклюэна отмечают, что литературная составляющая личности и поэтика постмодернизма во многом являются ключом к пониманию его работ и методологии, а парадоксы, метафоры, каламбуры и соседствующие с ними футурологические прогнозы суть проявления эстетики модернистского слова (Архангельская, 2010, с. 29). С нашей точки зрения, исповедуемая автором модель повествования, формирующая сложный мозаичный образ из фактов, ассоциаций, наблюдений, аллюзий, представляет собой не что иное, как достаточно рациональную форму метода включенного наблюдения и одновременно последовательную реализацию собственной концепции истории медиа на уровне нарративных структур. Если аргументация, идеи, убеждения автора справедливы и новая «электрическая эра» устанавливает причинно-следственные связи и создает целостный образ из совокупности познаваемых фрагментов, если единство места, времени, действия (в общепринятом смысле) больше не является ни доминирующим литературным принципом, ни фактором, влияющим на организацию быта, труда и досуга, то истинный исследователь социальных процессов должен непредвзято фиксировать такую данность. Следовательно, чересполосный подход – это и методологический принцип, и оптика, и фокус зрения, с которыми можно не соглашаться, но трудно не признавать.

Концептуальным основанием конструируемой М. Маклюэном медиалогической (и, отметим, вполне книговедческой) теории стала идея о том, что на протяжении долгих лет эволюции человек создавал различные, все более усложняющиеся орудия труда, которые способствовали не только автоматизации процессов кустарного, а позднее промышленного производства, формированию массовых рынков и транснациональных компаний, но также и развитию органов чувств и кумуляции социально-разделяемых значений. Предметом истории медиа становится не алгоритмизация и упрощение физических операций посредством

ускорения информационного обмена, а «экстернализация наших чувств» (Маклюэн, 2005, с. 72), овеществление которых «посредством тех или иных технологий оказывает заметное влияние на установление новых соотношений или пропорций» (Маклюэн, 2005, с. 79) в «конфигурации всего сенсориума» (Маклюэн, 2005, с. 111). Де-факто М. Маклюэн приоритизирует изучение социотехнических процессов, лежащих в основе культурно-исторического развития государств и обуславливающих коренные трансформации всех сфер жизнедеятельности общества. Несмотря на то что сами эти изменения могут быть существенно рассредоточены во времени, инновации, их предопределяющие, связаны с диффузией определенных технологических новшеств. Следуя этой логике, автор выделяет три типа культур, сформированных соответствующими технологиями: устную (слуховую), письменную (письменно-печатную, книгопечатную) и электронную (аудиотактильную, аудиовизуальную), каждая из которых должна быть подвергнута тщательному изучению, потому что «последствия любой неосознанной нами силы представляют собой зло, особенно если эту силу мы создали сами» (Маклюэн, 2005, с. 429).

Устную культуру, по М. Маклюэну, отличали включенность и вовлеченность в происходящее, целостное восприятие мира, в котором каждое последующее действие содержит в себе отголоски предыдущего, время и пространство неразрывны и не могут рассматриваться поаспектно. «Люди, не умеющие писать, лишены беспристрастной (отстраненной или абстрагированной) точки зрения на предмет, поскольку целиком и полностью погружаются в него» (Маклюэн, 2005, с. 82).

Радикальные, «взрывные» изменения (explosion) начинают происходить в «человеческом сенсориуме» и структуре социальной организации с изобретением письма, положившего начало разделению мыслительных процессов и физически осуществляемой деятельности, идеального и материального, представленных в единстве приобретенного человеком дописьменной культуры опыта. Галактика Гутенберга начинается именно с изобретения письменности, то есть задолго до эпохального изобретения знаменитого немца, подготовленного чередой предварявших его инноваций, и не заканчивается с распространением электрических средств коммуникации, о чем далее мы скажем более подробно.

Освоение человеком фонетического алфавита представляет собой визуальный поворот, переносящий «человека из волшебного мира акустики в беспристрастный мир зрения» (Маклюэн, 2005, с. 48). Линейно-алфавитная логика, привнесенная в жизнь посредством

письменности, создает предпосылки для изобретения «греками логических правил, “грамматик” мышления и научной деятельности» (Маклюэн, 2005, с. 57). Вместе с тем рукописная культура, имеющая ограничения с точки зрения тиражируемости и воспроизводимости, обладает лимитированным потенциалом экспансии постепенно стандартизируемых вербальных практик. Оказав существенное влияние на упорядочение мышления среди грамотного населения, манускрипты не стали и не могли стать инструментом стабилизации языка, кодификации этических норм и правил межличностного взаимодействия. «Первым “товаром” массового производства ... и первым единообразно воспроизводимым продуктом» (Маклюэн, 2005, с. 226), обладающим соответствующим потенциалом, стал напечатанный текст.

Печатная технология как модель социальной организации

Книга как результат многолетних преобразований, инноваций, кооперации и совместного творчества неотделима от культурного ландшафта каждого отдельно взятого региона. Наряду с этим книгопечатание обладает мощной преобразующей силой, реализуемой посредством экстраполяции и перевода собственных типологических признаков на формы общественной организации и траектории индивидуальных действий.

Печатная технология, в основе которой лежат линейная последовательность и многократная воспроизводимость, позволила сформировать культуру, базирующуюся на опыте, визуально представленном неразрывной серией отпечатков литер. Более того, она оказалась чрезвычайно эффективным инструментом для реализации идеологии «расширения посредством гомогенизации» (Маклюэн, 2007, с. 198), которая обеспечила кодификацию национальных языков (орфоэпия, орфография, ортология, синтаксис), а также распространение всеобщей грамотности и образования. Развивая эту мысль, М. Маклюэн пишет: «Обособленность индивида, непрерывность пространства и времени и единообразие кодов – вот главные признаки письменных и цивилизованных обществ» (Маклюэн, 2007, с. 95). При этом печатный текст «не только определяет соотношение чувств (чувственность) конкретного человека, но и формирует социальные модели взаимозависимости людей в обществе» (Маклюэн, 2005, с. 288), что существенно более важно с точки зрения продуцируемых им эффектов. Гомогенизация и стандартизация обмена информацией стали основой для построения «унифицированной товарной культуры» (Маклюэн, 2005, с. 287), проще говоря,

«общества потребления». В этом отражена амбивалентность книги как культурного артефакта и объекта товарно-денежных отношений, позволяющего фиксировать, сохранять, транслировать и коммодифицировать нематериальные ценности. Впоследствии «книгопечатное расширение» человека открыло дорогу индустриализации и глобальным рынкам – «принципы непрерывности, единообразия и повторяемости» (Маклюэн, 2007, с. 342), проистекающие из него, позволили рационализировать системы производства и сбыта продукции, что, в свою очередь, стало основой для реформирования механизмов экономического обмена. Первостепенное значение имеет факт проникновения письменно-печатной организации во все стороны общественной жизни: нормы права, своды законов, бухгалтерские операции, программы обучения и воспитания, городское планирование и архитектуру, иерархические структуры менеджмента во всех секторах экономики. Книгопечатная технология, сформировавшая человека эпохи Возрождения, Просвещения, Нового и Новейшего времени, обрекла себя на бессмертие и цикличную реинкарнацию в других медиа.

Таким образом, индустриализация культуры не была привнесена в нашу жизнь двадцатым веком, а началась гораздо раньше: в XVI–XVII веках. Этапы, уже пройденные устной и письменной технологиями, а именно превращения самих способов коммуникации в формы культурных практик (сказительство, народное пение, ораторское искусство, литературное творчество, журналистика, научная деятельность и т. д.) на новом витке эволюции сменяет технология электрическая (цифровая), формирующая доступными ей средствами выражения специфические жанры и модели высказывания – например, такие как цифровое искусство (digital art), электронная художественная литература (electronic literature) и др.

Изменения, последовавшие за развитием и распространением книгопечатания, были разнонаправлены: обеспечивая артикуляцию опыта каждого отдельно взятого индивида, они также были сопряжены с «концентрацией коллективного национального сознания» (Маклюэн, 2005, с. 347). Она была обусловлена тем, что унификация опыта создала предпосылки для делегирования «функций, обязанностей и полномочий», без которых «невозможны были бы и процессы централизации наций, формирования централизованных национальных образований» (Маклюэн, 2005, с. 292). В то же время происходит становление «культы индивидуализма» (Маклюэн, 2005, с. 358), связанного с такой присущей книге-объекту характеристикой, как портативность, способствовавшей, среди прочего, исчезновению монополии библиотек на знание.

Аналогичный процесс мы наблюдаем и сегодня в связи с продвижением электронных технологий, лишаящих высшую школу гегемонии в сфере реализации образовательных программ профессиональной подготовки, информационных агентства – в области новостного производства, научно-исследовательские институты – на экспертную оценку и долгосрочное прогнозирование. Оставив в стороне морально-этические соображения, а главное – проблемы, связанные с критерием качества распространяемых продуктов и услуг, подчеркнем, что развитие каждой новой технологии сопровождается частичной деинституционализацией структур управления и контроля, характерных для технологии предшествующей. При этом институты не исчезают, они трансформируются, корректируя свои функции, цели и задачи.

Технологический детерминизм с ремарками

В своей следующей монографии «Понимание медиа» (1964) М. Маклюэн развивает указанные выше положения, расширяя предмет исследования и углубляя анализ последствий медиатизации как необратимого процесса, понижающего все сферы общественной жизни. Философским течением, в русле которого (довольно условно) формировались взгляды канадского ученого, является технологический детерминизм. Его суть в сжатом виде может быть сведена к тезису, что «средство коммуникации определяет и контролирует масштабы и форму человеческой ассоциации и человеческого действия» (Маклюэн, 2007, с. 11), а следовательно, обуславливает и формирует пути цивилизационного развития. Однако тотальный техноцентризм, ассоциируемый с М. Маклюэном и многие годы приписываемый ему в академических кругах (Чумакова, 2015), с нашей точки зрения, является преувеличением, связанным с желанием зафиксировать единственно верную и легко доступную для широкой читающей публики интерпретацию и одновременно с этим – создать условия для максимально определенной классификации его воззрений. Ведь то, что не систематизировано и не поддается стабилизации, вызывает стресс и психологический дискомфорт и, кроме того, не укладывается в стройную позитивистскую парадигму, во многом определяющую вектор современных гуманитарных исследований. При внимательном прочтении работ М. Маклюэна становится очевидным, что авторский «подход к изучению средств коммуникации принимает во внимание не только “содержание”, но также само средство коммуникации как таковое и ту культурную матрицу (курсив наш. – В. М., Д. Э.), в которой это конкретное средство функционирует»

(Маклюэн, 2007, с. 13). Это стержневое книговедческое наблюдение призывает сохранять «ощущение целостного паттерна» (Маклюэн, 2007, с. 16), потеря которого означает полную «самоампутацию» «внешних расширений» человека. Изучение таковых должно проводиться многоаспектно и с учетом различной степени воздействия факторов микро- и макросреды, в то время как «обучение в сфере высшего образования достигается за счет игнорирования взаимосвязей, ведь комплексное осознание замедляет достижение экспертной подготовки» (Маклюэн, 2007, с. 116). Коррекция этого тренда – насущная задача современной высшей школы в целом и книговедческого образования в частности.

Одной из ключевых для понимания маклюэновского детерминизма и бытующих многообразных, порой – редуционистских его истолкований является известная формула «Средство коммуникации есть сообщение» (“the medium is the message”). Она иллюстрирует основополагающую идею, красной нитью проходящую через все труды канадского ученого: различные медиа, господствующие в ту или иную историческую эпоху, формируют уникальную среду производства, передачи и распространения прикладных и научных знаний, культурного опыта, религиозных практик, сакральных и десакрализованных ритуалов, систем ценностей и значений. Выступая в качестве основного инструмента обмена символическими формами, а фактически – обеспечивая целостность общества, медиа предопределяют соотношение наших чувств в процессе познания и освоения мира, то есть образуют фрейм или матрицу восприятия окружающей нас действительности как на уровне отдельных атомизированных индивидов, так и на уровне различных по масштабам социальных групп (от локальных сообществ до надгосударственных объединений). В связи с этим изучение доминирующих средств коммуникации позволяет выявить специфику социокультурной, экономической и политической организации государств на разных исторических отрезках. Связь между сменой коммуникационных технологий и развитием социума позволяет говорить о медиа как отпечатках, денотатах сменяющих друг друга экономических формаций и эволюционирующих культур. Сигнификатом в таком случае будут каждодневные медиатизированные практики, позволяющие удовлетворить большинство потребностей современного *homo sapiens* и варьирующиеся в цивилизационно несхожих регионах мира. Постигание одного без другого создает предпосылки для диссеминации околонучных заблуждений, тогда как комплексный подход позволяет лучше понять и средства передачи информации, и общества, в которых

обмен данными проистекает. Поэтому, несмотря на весь технологический колорит, концепция М. Маклюэна не может считаться сугубо медиадетерминистской, ее фокус – генезис западного типа культуры. Это позволяет нам утверждать, что его работа одновременно и техно-, и антропоцентрична.

Природа указанного двуединства коррелирует с изначально коммуникативной природой человеческих отношений, обусловленной потребностью в переводе результатов одного вида труда (например, заработной платы за выполненную работу) в потенциальную возможность использования результатов других видов труда, то есть реализации своих потребностей. С точки зрения экономики главным инструментом подобного перевода являются финансовые активы, которые могут быть выражены в различных формах и состояниях (деньги, акции, облигации, золото, биткойны и т. д.). Между тем экономические механизмы не являются единственным регулятором межличностных, равно как и межгосударственных интеракций. Общественное развитие глубоко исторично и требует обращения к опыту и культуре предшествующих эпох – ретроспективной коммуникации. Ее влияние может быть огромным, но не опосредованным финансовыми институтами. Тем не менее социальный перевод, подобно лингвистическому, нуждается в своих средствах, в качестве которых как раз и выступают различные медиа (не только деньги). Продолжая аксиому П. Вацлавика «Невозможно не коммуницировать» («one cannot not communicate» (Watzlawick et al., 1967, p. 51)) и радикализируя ее средствами М. Маклюэна, отметим, что за исключением устной коммуникации, главным ресурсом, способным организовывать социальные отношения, являются медиа. Чем сложнее связи, образуемые средствами коммуникации в различных точках на хронологической шкале и географического пространства, тем больше степень вариативности организационных систем и структур разного рода институтов. Роль медиаканалов, их соотношение между собой и занимаемое место в рамках публичной сферы с течением времени трансформируются; понимание этой динамики как раз и создает то «метасообщение» (послание миру), о необходимости прочтения которого говорит «профессор из Торонто».

Однако прочтение этого «метасообщения» на практике, конечно, трудно осуществимо. Во-первых, как говорил сам М. Маклюэн, мы не способны осознавать действие технологий, во власти которых находимся и лишь смотрим на них «сквозь зеркало заднего вида» (McLuhan, Fiore, 2001, p. 73). Во-вторых, общественные институты и индивиды оказывают неустанное

сопротивление внедряемым новшествами, разрушающим традиционный уклад жизни. В-третьих, принятие инноваций всегда начинается реактуализацией с их помощью опыта, привычек и ритуалов прошлого. Так, «первые столетия печати со съёмных наборных форм были гораздо более мотивированы не потребностью в чтении и написании новых книг, а желанием увидеть книги античные и средневековые» (Маклюэн, 2007, с. 193), а владельцы, передававшие печатные книги переписчикам, воспринимали «новое изобретение всего лишь как другую – отличную от традиционной – форму письма» (Маклюэн, 2005, с. 361). Подобно этому, в XXI в. электронные ридеры стали факсимиле книг печатных, усердно и беззастенчиво копируя разметку их страницы, цвет бумаги, шуршание листов и даже бизнес-модели их распространения. Жизнь нового средства коммуникации всегда начинается с освоения культурологического и ресурсного функционала средства предшествующего, и лишь в последующих своих итерациях оно приобретает уникальные черты и расширяет собственные возможности. Такая интерпретация выражения “medium is the message” фактически является одним из фундаментальных законов медиа, справедливых как для печатных, так и цифровых форм.

(Не)определенность средств коммуникации

Краеугольным камнем концепции М. Маклюэна выступает дихотомия, образуемая посредством абстрагирования и распределения медиа по шкале определенности, позволяющей метафорично относить одни из них к «горячим», другие – к «холодным». «Холодное средство коммуникации, идет ли речь об устном слове, рукописи или телевидении, оставляет слушателю или пользователю гораздо больше работы, чем горячее. Если средство коммуникации имеет высокую определенность, то участие является низким. Если средство коммуникации обладает низкой определенностью, то участие становится высоким» (Маклюэн, 2007, с. 365). Высокая определенность достигается путем расширения одного конкретного чувства, когда доступной для восприятия остается только «одна-вещь-в-один-момент» (Маклюэн, 2007, с. 374). Научная проблема, связанная с дифференциацией медиа по уровню определенности и, как следствие, степени вовлеченности индивида во взаимодействие с ним, представляется актуальной и требующей переосмысления с позиций сегодняшнего дня, так как возникновение новых средств связи, гибридизация и видоизменение традиционных коммуникационных каналов способствовали размытию критериальных границ и, следовательно, должны подвергаться многофакторному анализу.

Позволим себе не согласиться с тем, что книгопечатание является исключительно «горячим» средством коммуникации (Маклюэн, 2007, с. 182). Учитывая многообразие вариантов материального воплощения текстовых форм (книга, газета, журнал, брошюра, листовка, флаер, чек и т. д.), в настоящее время дополненных возможностями их бытования в цифровом виде на портативных устройствах при неизменности существенных принципов книгопечатной технологии, расположение книги (и других медиа) на какой-либо фиксированной позиции по оси координат определенности не представляется возможным. Кроме того, следует отметить, что в анализируемых работах М. Маклюэна внимание читателей концентрируется в основном на характеристиках, потенциальном наборе возможностей и эффектах, присущих самим средствам коммуникации. Существенно меньше внимания ученый отводит характеристикам и эффектам, которые возникают в рамках частных практик использования медиа. Это обстоятельство, несмотря на совершенно особое место М. Маклюэна в историографии коммуникативистики, позволяет причислить его к продолжателям традиций Чикагской (Chicago school) и Франкфуртской (Frankfurt school) исследовательских школ.

Следует отметить, что сама механика коммуникационной ситуации может служить объяснением ряда социально-психологических последствий медиатизации. М. Маклюэн считал, что путем обособления и изоляции отдельно взятого чувства (в случае с книгопечатанием – зрения) достигается состояние магического действия, а «формулу гипноза можно выразить фразой “одно чувство за раз”» (Маклюэн, 2007, с. 465). В наши дни, не лишившись своих магических чар, медиа изменили формулу на «все чувства за раз», повергая человека не только в состояние гипноза, но психологического оцепенения и аддикции. В связи с этим все большую популярность приобретают практики, которые можно назвать информационным эскапизмом – добровольным ограничением себя в количестве используемых средств коммуникации и источников данных.

Трайбализация – детрайбализация – ретрайбализация

Проследим дальнейшее развитие мысли М. Маклюэна. На смену упорядоченности и единообразию «аранжировки съёмных наборных литер» (Маклюэн, 2007, с. 195) приходит совершенно иная по своей природе технология, будто бы даруя человеку цельность и вовлеченность племенной жизни. «Уплотненный силой электричества, земной шар теперь – не более чем деревня» (Маклюэн, 2007, с. 7). Имплотивный

характер новой технологии естественным образом вступает в столкновение с миропорядком, основанным на дифференциации как способе познания и индивидуализме как модели поведения. Результатом возникших противоречий становится изменение технологического баланса «внешних расширений» человека, что создает новые риски и угрозы, но также возможности. Ситуация стресса актуализирует потребности и требует поиска равновесия всей системы. Возвращение к состоянию тотальной взаимозависимости меняет границы личного пространства, высвечивая частную жизнь в софитах многоликих (само)репрезентаций. «Тотальное поле инклюзивного осознания» (Маклюэн, 2007, с. 119) реорганизует модели социального устройства, в которых деиерархизация взаимодействий способствует распаду оппозиции «центр – периферия». В жизни, превратившейся в информационный процесс, краин не существует, а «труд» уступает место вовлечению и увлеченности, какие существовали в племени» (Маклюэн, 2007, с. 155). Постиндустриальное общество помещает человека в колыбель его истории, когда не было разделения труда и специалистского обучения. Работа, быт и досуг сливаются воедино, не начинаясь и не заканчиваясь, незаметно перерастая из одного в другое (что, кстати говоря, стало особенно явным в нынешний период коронакризиса). При этом большинство из нас забывают, что «все электрические устройства – вовсе не средства экономии труда, а новые формы работы» (Маклюэн, 2007, с. 190), переход же к дистанционным способам осуществления трудовой деятельности увеличивает не время отдыха, но погруженность в корпоративные процессы. На новой ступени технологического развития возникает, как в классической драматургии, единство места, времени, действия, а также труда и отдыха.

Логика и причины ретрайбализации составляли главный интерес М. Маклюэна в последние годы жизни. Доказательством этому является его работа «Война и мир в глобальной деревне» (1968), которую в содержательном плане можно считать отложенным продолжением или дополнением «Понимания медиа». Главный ее постулат, обобщающий все предыдущие идеи, состоит в том, что «новая технология неизбежно создает новую окружающую среду» (Маклюэн, Фиоре, 2012, с. 152) и эта среда становится реальной в органическом смысле. Ее искусственное происхождение не уменьшает спектр возможного социального действия, скорее – наоборот, риски остаются недооцененными и из-за этого с большей легкостью приводят к непредсказуемым последствиям. Коммуникационная имплозия, стремление ко все большей интеграции и вовлеченности привносят события,

происходящие на другом краю земли, в жизнь каждого человека. «Теперь население участвует в каждой фазе войны» (Маклюэн, Фиоре, 2012, с. 151), сопровождает мигрантов, отмечает юбилеи всех королей и страдает из-за пожаров в Якутии и Калифорнии. И, не имея возможности для бегства, «мы носим на себе как свою кожу все человечество» (Маклюэн, 2007, с. 57).

Парадоксальным образом, рассуждая о формировании глобальной деревни, М. Маклюэн не учитывает собственного же тезиса о том, что каждое последующее средство коммуникации содержит в себе предыдущее. Абсолютизируя перспективы глобального взаимодействия в электрическую эру, ученый опрометчиво исключает из нее факторы национальных интересов и межгосударственных отношений (в том числе противоречий). Но ведь книгопечатная технология не исчезает (более того, ее принцип остается основополагающим) в мире «хайтек», точно так же как патернализм, национализм, индивидуализм и сопутствующие им феномены из арсенала галактики Гутенберга, особенно в XX столетии, продолжают свое развитие в тени глобализационных процессов и нарождающихся моделей транскультурации. Все течет, и все остается в лабиринте медиатизированных коммуникаций.

Если и произошло частичное низложение книгопечатной технологии, то теряет ли свою актуальность сам принцип письменно-печатной организации человеческой деятельности? Справедливо ли говорить об интернете как эталонном примере имплозивной аудиотактильной коммуникации? Сетевое пространство аккумулирует в себе другие медиа, не только преобразуя, но и вбирая в себя их функциональные черты. Электронная библиотека оцифрованных старопечатных книг или плейлист неадаптированных лекций на одном из хостингов, воспроизводимые в режиме офлайн, продолжают письменно-печатную традицию, лишь эксплицируясь посредством новой цифровой среды. Поэтому отождествление интернет-технологий с электрической маклюэновской утопией некорректно. Корректнее говорить об отдельных сегментах интернета, в полной мере ей соответствующих: соцсети, стриминговые сервисы, интерактивное онлайн-вещание и т. д.

Другой эпистемологической проблемой, непосредственно связанной с постмаклюэнизмом (сам ученый не дожил до эпохи повсеместных персональных компьютеров и широкополосного доступа в глобальную сеть), стало уподобление одной технологии – интернета – социальному институту. Происходит подмена функционального набора перспектив и практики применения, то есть их конкретной культурно-исторически обусловленной реализации. В сети видят

международное инклюзивное электронное правительство, орган всепобедившей представительной демократии, репрезентация каждого сегмента общества в котором гарантирована в виду отсутствия электорального порога. При этом другой гранью глобальной инклюзии становится дробление и формирование новых малых сообществ, подстегивающих атомизацию членов социума и поляризацию убеждений, идеологий, морально-этических границ допустимого. Индивидуалистская технология печати на макроуровне своих эффектов может быть более социально приемлемой, нежели плюралистский инструментарий, граничащий в ряде своих проявлений с дезорганизацией и хаосом.

Теория Маклюэна сегодня и завтра

Жизнеспособность любой теории подтверждается суммой косвенных и прямых доказательств. К первым могут быть отнесены всем известные наукометрические показатели (индекс цитируемости публикаций, индекс Хирша), дополненные количеством учеников, наличием упоминаний в ведущих энциклопедиях и бытованием различных форм мемориализации имени разработчика теории. Маршалл Маклюэн является одним из наиболее часто цитируемых ученых в области медиа, среди его последователей – люди, достигшие мирового признания в научном мире: У. Онг (W. Ong), Д. де Керкове (D. de Kerckhove), Р. К. Логан (R. K. Logan), Э. Маклюэн (E. McLuhan). При Торонтском университете много лет успешно функционирует Центр по изучению культуры и технологий им. М. Маклюэна (McLuhan centre for culture and technology), на книговедческих образовательных программах реализуются спецкурсы, посвященные его теориям, отдельные аспекты которых встроены в базовые дисциплины по книговедению (Мутьев, 2020), сняты несколько фильмов о его личности и творчестве: «Вне орбиты» (Out of orbit), «Поминки по Маклюэну» (McLuhan's wake) и ряд других. Совокупность такого рода доказательств жизнеспособности и значимости теории М. Маклюэна представляется вполне убедительной, однако гипотетически она может быть подвержена некоторым искажениям, связанным с данью моде, академическим традициям, с силой персонального влияния автора на определенный круг лиц. Непосредственным указанием на правомерность теории служит ее интерпретационный потенциал, проявляющийся в фактах действительности и перерождающийся, но не устаревающий с течением времени.

Объясняющая сила маклюэновской теории проявляется не только на уровне полифункциональных идей и гипотез, о которых было сказано выше;

она рассредоточена «между строк», в совокупности пояснительных фраз. Высказывание о том, что «в бесписьменном обществе не делают грамматических ошибок» (Маклюэн, 2005, с. 349), приоткрывает путь к ответу на вопрос, почему ревнители классической русской (и не только) словесности не выйдут победителями из битвы за интернет. Даже при заимствовании средств книгопечатной технологии и несмотря на продолжение письменной традиции интернет-пространство преобразует нормы и правила литературного языка, использование которого в цифровом пространстве накладывает на него отпечаток аудиотактильного электрического мира. Грамматические ошибки становятся не нарушением правил письменного (печатного) языка, а одним из модусов разговорной устной речи. Борясь за правописание, мы на самом деле пытаемся унифицировать произношение и привести к единообразию и порядку разговоры на кухне.

Намеренное исключение из теории семантических аспектов передаваемой информации и ассоциируемой с ними субъектностью коммуникации, свойственное М. Маклюэну, является провидческим решением с точки зрения описания медиареальности нынешнего XXI века. В ней вслед за «смертью автора» наступила «смерть референта», источника события, первопричины, поиск которой снова и снова возвращает нас к медийной действительности, а ее границы уже выходят далеко за рамки виртуального, включая в себя и физико-биологическое пространство. На практике проявляется известная теорема Томаса (“Thomas theorem”): реально то, что воспринимается как реальное (Thomas W., Thomas D., 1928, p. 572). Следовательно, поиск истины приобретает форму вечного возвращения. В этом корень, первопричина как будто внезапно появившихся и вездесущих фейковых новостей (fake news), дипфейков (deep fake), думскроллинга (doomscrolling). Их истоки не в политическом, олигархическом и прочих видах управления и контроля над СМИ, а в модальностях чтения, имманентно присущих новым средствам коммуникации. В силу ограниченности когнитивных познавательных ресурсов, не имея возможности осмыслить и понять принципы функционирования медиа (причем не только новых), человек склонен к принятию правил игры и априорному согласию с грамматикой своих «внешних расширений». В условиях десинхронизации пространства и времени, воплощающейся во «всепоглощающей сейчасности», на часовых стрелках которой всегда одно и то же мгновенное, сиюминутное время, последовательное освоение знаний становится сродни эксклюзии из системы общественных отношений. Энциклопедический ум уступает место адаптационным способностям. Поэтому

современное инклюзивное общество строится по принципу его инкорпорации в коммуникационные процессы и сети обмена информацией, а основополагающим навыком становится коннективность – способность устанавливать связи. Происходит своеобразная реинкарнация принципа «l'art pour l'art»³ в социологии медиа.

В свете всего сказанного отметим, что технологические расширения включают в себе и «предустановленные» модели чтения и обучения. Книгопечатная технология формирует автора, его персональную ответственность за содержание и вместе с тем право на защиту собственного интеллектуального труда. Линейная очередность типографских литер – основа практик интенсивного чтения и возникновения читателя как всесторонне развитой личности, обучение и воспитание которой основывается на системном подходе, исповедуемом в классических гимназиях и университетах. Электронная технология элиминирует автора и индивидуальность, позволяя осуществлять трансмиссию потока малосвязанных текстов, образующих мозаику. Фрагментация способствует экстенсивному, поверхностному чтению, подобному скольжению, а читатель превращается в *self-made man*⁴, сотворившего себя посредством попутного серфингу обучения.

С игнорированием данных фактов также связаны трудности при реализации образовательных программ во время их экстренного перевода в дистанционный формат в период пандемии. Цифровой переход так и не осуществился в полной мере, а педагогические стратегии на различных уровнях (начальное, среднее, высшее, дополнительное образование) по-прежнему построены на линейном понимании приращения нового знания и соответствующих ему методах изложения материала. В то же время форматы взаимодействия между учителем и учеником, преподавателем и студентом модифицируются перманентно и лавинообразно, подчиняясь внешним факторам организации труда: от новых общегосударственных нормативно-правовых актов по цифровизации до эпидемиологических ограничений. Эта ситуация подобна двоеборью и ставит вопрос не о перспективах одной из технологий или адаптации лекционного материала к расширяющемуся арсеналу программно-технологических средств доставки сообщений, а о гармонизации книгопечатной логики, ориентированной на пошаговое освоение социально-культурной

среды и по-прежнему конституирующей сферы науки, образования, политики, управления, с цифросетевыми коммуникациями, наиболее активно развивающимися в коммерческих секторах экономики и досуга. Типизация по принципу смены доминирующих коммуникационных технологий не может быть продолжена в XXI в., на ее место приходят типизации матричного типа, в которых ни одна из технологий не существует изолированно, но развивается в тесном соотношении с другими. Конфигурации этих соотношений и определяют полифонию современных медиапрактик, модели мировосприятия, структуру образовательных траекторий, а также их эффективность.

Таким образом, фундаментальной проблемой современной науки и образования становится изучение возможностей и ограничений медиа в процессах познания и освоения различных форм профессиональной деятельности, их интеграционного и дезинтеграционного потенциала для различных адресных групп, результаты воздействия на которые могут быть диаметрально противоположными.

Заключение

Письменно-печатная культура со своими и сопутствующими ей особенностями (линейность, грамотность, последовательно получаемое образование, рациональность мышления, иерархичность социальной организации, формирование национальных государств и элит), в соответствии с теорией М. Маклюэна, должна была уступить свое место культуре электронной, максимально приближенной по своей сути к дописьменному этапу истории человечества. Но этого не произошло и не произойдет в обозримой перспективе. Письмо и печать наравне с речью получили новое воплощение в открытой конкурентной среде. Устное слово, реализующее свой потенциал в форме подкастов, стримов и радиоэфиров теперь в парадоксально зримой форме приложений и веб-страниц конкурирует с письменно-печатной технологией, составляющей основу общения во всем многообразии книжных форм, соцсетях, мессенджерах, форумах, блогах. Объединения потенциалов этих технологий оказалось достаточным для того, чтобы трансформировать наше понимание личного и коллективного, реального и виртуального, настоящего и мифического, изменить соотношение чувств «во всем сенсориуме».

³ «Искусство ради искусства» (прим. редакции).

Список источников / References

- Архангельская И. Б. Маршалл Маклюэн. Нижний Новгород : Нижегород. коммерч. ин-т, 2010. 291 с. [Arkhangel'skaya IB (2010) Marshall McLuhan. N. Novgorod: Nizhegorodsky Commercial Inst. (In Russ.)].
- Беляева Н. Е. Работа библиотеки с интернет-ресурсами художественной литературы. Москва : Литера, 2012. 144 с. [Belyaeva NE (2012) Library work with Internet fiction resources. Moscow: Litera. (In Russ.)].
- Лаврик О. Л. Академическая библиотека в современной информационной среде. Новосибирск : ГПНТБ СО РАН, 2003. 250 с. [Lavrik OL (2003) Research library in the modern information environment. Novosibirsk: GPNTB SO RAN. (In Russ.)].
- Леонов В. П. О Послании Маршалла Маклюэна // Библиотекосведение. 2007. № 6. С. 64–69 [Leonov VP (2007) On Marshall McLuhan's message. *Bibliotekovedenie* 6: 64–69. (In Russ.)].
- Маклюэн Г. М. Галактика Гутенберга: становление человека печатающего. Москва : Акад. проект : Мир, 2005. 495 с. [McLuhan HM (2005) The Gutenberg galaxy: making a typographic man. Moscow: Akadem. proekt, Mir. (In Russ.)].
- Маклюэн М. Понимание медиа: внешние расширения человека. 2-е изд. Москва : Гиперборея : Кучково поле, 2007. 462 с. [McLuhan M (2007) Understanding media: the extensions of man. 2nd ed. Moscow: Giperboreya: Kuchkovo pole. (In Russ.)].
- Маклюэн М., Фиоре К. Война и мир в глобальной деревне. Москва : АСТ : Астрель, 2012. 221 с. [McLuhan M and Fiore K (2012) War and peace in the global village. Moscow: AST: Astrel'. (In Russ.)].
- Маркова В. А. Книга в социально-коммуникативном пространстве: прошлое, настоящее, будущее. Санкт-Петербург : Профессия, 2019. 343 с. [Markova VA (2019) Book in the social and communicative space: past, present, future. Saint Petersburg: Professiya. (In Russ.)].
- Мутьев В. А. Книговедческие образовательные программы и учебные дисциплины в зарубежных вузах // Труды Санкт-Петербургского государственного института культуры. 2020. Т. 220. С. 37–47 [Mut'ev VA (2020) Book science educational programs and academic disciplines in foreign universities. *Trudy Sankt-Peterburgskogo gosudarstvennogo instituta kul'tury* 220: 37–47. (In Russ.)].
- Редькина Н. С. Технологический менеджмент в системе управления библиотекой. Новосибирск : ГПНТБ СО РАН, 2014. 416 с. [Red'kina NS (2014) Technological management in the library management system. Novosibirsk: GPNTB SO RAN. (In Russ.)].
- Чумакова В. П. Роль Герберта Маршалла Маклюэна в социологии медиа и формировании научного направления «медиаэкологии» // Медиаскоп. 2015. № 1. [Chumakova VP (2015) The role of Herbert Marshall McLuhan in the sociology of media and forming “media ecology” scientific field. *Mediascope*. (In Russ.)]. URL: <http://www.mediascope.ru/1695#21> (дата обращения = accessed 23.09.2021).
- Эльяшевич Д. А., Мутьев В. А. Зарубежное книговедение: анализ исследовательских подходов (на примере переведенных монографий) // Вестник Санкт-Петербургского государственного института культуры. 2020а. № 4. С. 180–186 [El'yashevich DA and Mut'ev VA (2020a) Foreign book science: analysis of research approaches (a case of translated monographs). *Vestnik Sankt-Peterburgskogo gosudarstvennogo instituta kul'tury* 4: 180–186. (In Russ.)]. DOI: <https://doi.org/10.30725/2619-0303-2020-4-180-186>.
- Эльяшевич Д. А., Мутьев В. А. Новое книговедение: взгляд в будущее // Библиосфера. 2021. № 1. С. 43–53 [El'yashevich DA and Mut'ev VA (2021) New bibliology: a look into the future. *Bibliosfera* 1: 43–53. (In Russ.)]. DOI: <https://doi.org/10.20913/1815-3186-2021-1-43-53>.
- Эльяшевич Д. А., Мутьев В. А. Отечественные учебники по истории книги // Вестник Санкт-Петербургского государственного института культуры. 2020б. № 1. С. 177–187 [El'yashevich DA and Mut'ev VA (2020b) Local textbooks on history of the book. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo gosudarstvennogo instituta kul'tury* 1: 177–187. (In Russ.)]. DOI: <https://doi.org/10.30725/2619-0303-2020-1-177-187>.
- Эльяшевич Д. А., Мутьев В. А. Отечественные учебники по общему книговедению // Вестник Санкт-Петербургского государственного института культуры. 2019. № 4. С. 179–183 [El'yashevich DA and Mut'ev VA (2019) Local textbooks on the general book science. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo gosudarstvennogo instituta kul'tury* 4: 179–183. (In Russ.)]. DOI: <https://doi.org/10.30725/2619-0303-2019-4-179-183>.
- Эльяшевич Д. А., Мутьев В. А. Публикации по книговедению и истории книги, используемые в учебном процессе за рубежом. Часть 1. Учебные издания // Вестник Санкт-Петербургского государственного института культуры. 2020в. № 2. С. 181–189 [El'yashevich DA and Mut'ev VA (2020v) Publications on book science and history of the book used in the educational process abroad. Part 1. Study materials. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo gosudarstvennogo instituta kul'tury* 2: 181–189. (In Russ.)]. DOI: <https://doi.org/10.30725/2619-0303-2020-2-181-189>.
- Innis HA (1951) The bias of communication. Toronto: Univ. of Toronto Press.
- McLuhan HM and Fiore Q (2001) The medium is the message: an inventory of effects. Corte Madera: Gingko Press.
- Thomas WI and Thomas DS (1928) The child in America: behavior problems and programs. New York: Alfred A. Knopf.
- Watzlawick P, Beavin JH and Jackson DD (1967) Pragmatics of human communication: a study of interactional patterns, pathologies, and paradoxes. New York: W. W. Norton & Co.